

ШЕКСПИРОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ

Недавно советские зрители чистосердечно и горячо аплодировали актерам Стратфордского театра, показавшего свои спектакли в Ленинграде и в Москве. Сегодня мы печатаем заметки критика Ю. Юзовского об этих спектаклях.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

зарубежных, и отечественных небесно-воздушно-голубых Джульетт и не сразу способны очухаться, когда нас с этого высокого градуса сбивают. А градус этот часто порождается той надрывно-умилительной почтительностью к классикам, за которой не видно порой даже простого любопытства.

Прежде чем приступить к Шекспиру, иной режиссер или актер воздевает руки горько, восклицает: «О, Шекспир, ой» и на этой ноте ставит или играет. Артисты мемориального театра отнеслись к Шекспиру как-то более просто, по-свойски, быть может, потому, что это их земляк, и кажется, что такого рода «деловые» взаимоотношения пришли бы по душе и самому автору «Гамлета». И, естественно, не против «возвышенного», порой весьма цуцна эта устремленность высь, дабы мы, грешные, помнили себя и не забывались: позволил и себе здесь возвышенный слог — воистину навеки нас пронзила благотворная поэтическая стрела Улановой.

Но как не раз уже было сказано: есть Шекспир и нет ему конца, масштаб его гигантский, от неба и до земли, на самой крайней точке которой, на самой нижней, а кто скажет и «низменной», возникла маленькая фигурка стратфордской Джульетты. О ней мало сказать, что она обыкновенная, она и среди обыкновен-

ных выделится своей обыкновенностью, простоватостью, совсем не верится, что она дочь знатного вельможи Капулетти (хотя бог его знает, каковы они там были, ихние дочери!). Скорее она из среды простолюдинов, тех самых, которые заглядывают порой в господские чертоги, порайкась больше всего тому, что видят там не родовитую чернооую синьору, а «сною», рядовую рыжеволосую англичанку, рыженькую! Вероятно, мы можете ее встретить на улице современного Стратфорда. Кто она? Может быть, цветочница или продащица из тамошнего универмага, в лучшем случае студентка и даже школьница. — вы встретите ее и не обратите на нее ни малейшего внимания — ведь таких «тысячи». Вот по этой-то причине, кажется, театр и обратил на нее наше внимание, наше и тех «тысяч», которые узнат себя в этой Джульетте скорее, чем в любой другой, отодвинутой от них за тридевять земель пресловутым «О, Шекспир, ой!»

Не знаю, как другим, мне нравится такой замысел. Хотя и резковато выраженный, он подчеркивает, что театр этот под руководством Глен Бэйем Шоу, хотя и мемориальный, по не музейный. Становится понятным, почему в центре спектакля оказался пародийный образ кормилицы в великодушном иномыслии Анджелы Вадделли: кормилице мы должны быть благодарны за то, что она вырастила эту Джульетту, упоминаются свойства которой воистину впитаны ею с молоком кормилицы, а не матери. И, забе-

гая вперед, скажем, что хотя этой Джульетте и не удалось победить недоброжелательность окружающего ее мира, однако она одолела предубежденность публики и в конце концов победила доброе ее большинство. Ибо хотя перед нами как будто заурядное существо, но незаурядная актриса, и незаурядность ее выразилась в том, что в своей простой девушке она сумела обнаружить и вынуть тысячам таких, как она, какие таятся в них духовные силы и как обнаружатся они, когда наступит для этого подходящий случай.

Вначале она девочка-подросток, скорее даже мальчишка-сорванец, с «отрицательными манерами», не только чуждая всему женственному, но как бы даже презирающая все эти «нежности», хотя в ее дикой, еще не оформившейся, неуловимой грани чувствуются запертые в ней богатства. И вдруг они обнаруживаются, все сразу, необыкновенно щедро, неожиданно для нас и даже для нее, — появляется то лучшее, что мы вкладываем в слово «девушка» — в наших глазах расцветает это молодое прелестное дерево — тончайшие переливы пробуждающегося и уже ликующего чувства.

Джульетта не способна охладить его — настолько оно неомырно. Но ее ждут еще большие испытания — ужас жизни обрушивается на нее, как ураган, и вот она хрупкая, худенькая — в чем только душа держится? — дрожит, как затанцованная струна, но не слабает и не рвется... наконец она становится героиней трагедии, пусть и маленькой героиней, а не величественной матропой, но тем более порождает в наших душах растроганность и уважение к своей стойкости. И

когда она, притихшая, мертвая, лежала, прислонившись к Ромео, я подумал, что она недаром прожила свою жизнь, что она дорого продала свою жизнь, что в свои четырнадцать лет она пережила целую жизнь, если мерить ее не прожитым, а пережитым, — эта маленькая, милая, тоненькая Джульетта, мисс Дороти Тьюти!

Что касается Ромео, то, напротив, мне показалось, что он должным образом не использовал отпущенной ему жизни и умер, так сказать, «преждевременно». Я не собираюсь предъявлять особых претензий — все, что положено для Ромео, и было здесь предложено. Он и молод (что на сцене не так уж часто встречается), и красив, и благороден, и добр, и честен, и порывист, и еще все, что вам угодно в этом же духе. Чего не хватает этому Ромео — не артисту Ричарду Джонсону (блестательно проявился его талант в характерной роли сэра Эндрю Эйгшика в спектакле «Двенадцатая ночь», например), а именно Ромео — чего ему не хватает, — это искры божьей! Он объясняется в любви Джульетте, а она слушает его, но я больше верю ей, хотя она только слушает, чем ему, даже когда он говорит. В ее молчании больше любви, чем в его словах, хотя это молчание антрисы, а слова принадлежат Шекспиру. Ибо для нее любовь — это неизведанная страна, это целый мир, о существовании которого она не подозревала и открытие которого потрясло все ее существо. Что касается его, то сила впечатления, что он уже совершил по нему кое-какие экскурсы. И хотя он влюблен по уши и даже больше, не спорю, но без озарения, без вдохновения,